Первый драматург

Category: Kitapcy,Teatr we kino sungaty
написано kitapcy | 24 января, 2025
Первый драматург ПЕРВЫЙ ДРАМАТУРГ

Вспоминается, когда мы учились в университете, наш преподаватель известный литературовед Бяшим Шамурадов, рассказывая о литературе двадцатых годов, непременно упоминал и пьесу «Айджемал». Всегда подчеркивал: «Это первая туркменская пьеса, написанная в советский период». От преподавателя же мы узнали и об авторе пьесы – Шамсутдине Керими. С тех пор запомнилось его имя.
Но я мало что знал о том, кем был Ш.Керими, чем занимался, когда умер. Гораздо позже я узнал о том, что братья Бегенч, Гуванч и Тойли Керими являются сыновьями Шамсутдина-ага. Пару лет назад, роясь в архивных документах, я наткнулся на его имя.
Пожелтевшие документы, написанные свыше полувека назад, были протоколами допросов членов контрреволюционной националистической организации «Туркменская свобода», в числе которых допрошен и Ш. Керими. Это относится к 1932 году. (На самом же деле такая организация никогда не существовало, она возникло в воображении известных органов для того, чтобы расправляться с туркменской передовой интеллигенцией).
Тогда вместе с Бекги и Какаджаном Бердыевыми, Берды Кербабаевым, Караджа Буруновым и еще десятками других был лишен свободы и Шамсутдин Керими.
Так кем же был Шамсутдин Керими?
Вспоминает Тойли Керими, старейший фотожурналист:
– Я являюсь правнуком Керимберды ишана. Он участвовал в Геокдепинской войне, там же и погиб. У него было двенадцать сыновей. Поскольку очень нужны были ишаны, и с такой просьбой отовсюду ехали люди, то Керимберды ишан, как только его сыновья подросли, стал направлять их в требуемые места. в ауле надо было открывать медресе, мектеп. Двое из сыновей нашего деда ишана попадают в Какинский этрап. Один из них

Мухамметмурат, а второй Мухамметназар. Они открыли в Кака мектеп, построили медресе.
Берды Кербабаев в своих воспоминаниях упоминает двух братьев – Мухамметмурата и Мухамметназара. Пишет, что у Мухамметназара было пять сыновей, с двумя из которых – Самат и Алланазаром был очень дружен. Великий писатель с глубокой признательностью вспоминает этих двух братьев, которые немало поспособствовали ему в получении образования. Когда он учился в Кака, он и с моим отцом Шамсутдином был дружен. А отца Шамсутдина звали Ымаметдин. Два сына Келимберды жили в Багире. Но мальчишкой Шамсутдин учился в медресе Кака вместе с Берды Кербабаевым и Какаджа Буруновым.
Об этом я знаю и из других источников. Кажется, это было в 1958 году. Берды-ага был вновь избран председателем Союза писателей. После съезда гостей, прибывших из других республик, повезли в Фирюзу. Мне довелось поехать в машине Берды-ага. Когда мы доехали до багирского поворота, Берды-ага сказал: «Вот, Тойли, мы с твоим отцом очень часто здесь бывали».
Отец учился в медресе у Мухамметмурада ахуна (своего старшего брата). Там он получил образование, хорошо знал персидский и арабский языки.
В 1914 году началась первая мировая война. В то время он приезжает из Кака в Багир погостить. Мама рассказывала, что когда он приезжал, то его тесть Хелимберды ишан заставлял Шамсутдину читать длинную бумагу (откуда ей было знать, что это газета!). Он был очень именитым ишаном своего времени. Устраивал скачки на тоях. На эти тои съезжались гости со всего Туркменистана. У него в Багире были построены им самим медресе и мечеть. Медресе разрушено. А мечеть еще и сейчас стоит. Правда, во время землетрясения кое-где на ее стенах появились трещины…
В семнадцатом году произошла революция Шамсутдин возвращается из Кака в свой родной аул. Мать начинает плакать: «С каким трудом я выучила тебя!» Но Шамсутдин видел, что происходит в мире, понимал, что теперь религии не будет места в этой жизни. И если не идти с ногу со временем, тебя запросто могут стереть в порошок.

Так они начали строить в ауле новую школу. Об этом есть и воспоминания Марьями Эзизи Кербабаевой.
— Марьями Эзизи была нашей гелнедже, — говорит Тойли-ага. — Вначале она была женой Чалы ишана. А Чалы ишан — сын Азимберды ишана. Тот, в свою очередь, был сыном Керимберды ишана. От Чалы ишана у нее родился сын Эмин. Он сейчас живет в Москве. Доктор медицинских наук. Ему шестьдесят шесть лет он мой ровесник. Потом Кербабаев дал ему свою фамилию. Воспоминания Марьям гелнедже озаглавила «Заседание, проведенное в мечети». Не помню, в каком точно году, но где-то в шестидесятых они были опубликованы в «Мугаллымлар газети». А речь идет о событиях двадцать третьего года. Потому, что в то время у Шамсутдина не было детей. Они рождались и умирали, не жили. И лишь в двадцать четвертом у него родились близнецы Бегенч и Гуванч…
Так вот, это собрание проводится в мечети Хелимберды ишана. Шамсутдин тогда говорит: «У меня у самого детейнет. А поэтому буду учить детей своего брата. И вы тоже приводите своих детей в новую школу. Пусть они получат образование, станут грамотными людьми». Во вновь открывшуюся школу он приводит дочерей своего брата Каканепеса — Айджан и Садап. Потом из Кака приезжает дочь Нуры ишана Эджегыз. Впоследствии она становится заслуженной учительницей, пусть земля будет пухом. Ее сестра Огулгерек тоже выучилась и долгие годы учительствовала.
В двадцать пятом году отец пишет пьесу «Айджемал». Она была поставлена в партийно-советской школе, в которой отец работал преподавателем. Это была первая туркменская пьеса, поставленная в те годы на сцене. И зрителями она хорошо была принята. И вот в 1927 году она выходит отдельной книжкой. Сейчас ее единственный экземпляр хранится в Национальной библиотеке. Покойный Гуванч, когда работал над диссертацией, перевел ее на кириллицу. Базар-ага Аманов часто вспоминал, как они впервые сыграли эту пьесу в кружке.
После того, как была поставлена пьеса «Айджемал», ее показали в Доме колхозника. Тогда же ее посмотрел и Кайгысыз Атабаев. «Кто ее автор?» — спросил он. Ему сказали, «Тогда надо его

отправить на учебу». Так моего отца послали на учебу в Ленинградский институт востоковедения имени Енукидзе. Вместе с ним на учебу поехал и Берды Кербабаев. Но Берды-ага уехал, не окончив институт, а отец доучился до конца. А вернувшись, стал преподавать в Байрамалы, там был техникум по хлопководству, точного его названия не помню.

В 1932 году отца как участника придуманной националистической организации «Туркменская свобода» арестовали… Он провел три года в тюрьме в узбекском городе Заравшан, после чего вернулся в Ашгабат и начал работать литературным переводчиком в издательстве «Туркменистан». Там он проработал до июля 1937 года, затем взял отпуск и поехал отдыхать в Фирюзу. Когда же вернулся после отпуска, его уволили с работы. Потому что, когда он ушел в отпуск, ему на руки не дали копию приказа об этом и просчитали его отсутствие прогулом. Таким образом, до 14 августа он ходил безработным. А 14 августа по доносу тогдашнего сотрудника газеты «Туркменистан» Г. его снова арестовали. И вновь он обвинен за участие в националистической организации «Туркменская свобода». На допросах он отрицал предъявленное обвинение.

В своем доносе Г. пишет о том, что Шамсутдин Керими поддерживает отношения с народными комиссарами просвещения Кумушалы Бориевым, Бяшимом Перенглиевым, писателями Берды Кербабаевым, Караджа Буруновым, переводчиками Муса Исмаиловым, Сейитджемалом Гапуровым, при этом утверждает, что эти люд состоят в организации «Туркменская свобода». Следователю Шамсутдин Керими на допросах отвечает: «Я действительно поддерживал отношения с вышеназванными людьми, бывал у них дома, а они бывали в моем доме. Во время этих встреч мы обменивались мнениями о переводах, говорили о работе».

Следователь спрашивает: «По словам Г., у брата вашего отца ахуна Мухамедмурада в Кака было медресе, он сбежал в Иран. Подтверждаете ли вы это?». «Да это так», – ответил отец. Еще в одном доносе Г. пишет: «Я повстречал Керими на Ашгабатском вокзале. Он сказал мне: «В этом государстве невозможно жить, остается только сбежать в Иран». На этот вопрос следователя Керими ответил: «Я и в самом деле повстречался с Г. на

вокзале. Мы поздоровались с ним, никакого другого разговора между нами не состоялось. Я сел в машину и поехал домой».
Еще работая в Туркменгосиздате, отец перевел книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Она вышла где-то в году 37-м. К слову сказать, писатель Чары Матал в своих воспоминаниях отмечал, что перевод получился удачным. Кроме того, отец перевел книгу «Тисса горит». Перед арестом в 37-м, он переводил роман Горького «Мать». Больше половины перевел.
После ареста отца был отдан приказ сжечь все переведенные им книги. Я вот почему об этом знаю. В 1956 году по заданию газеты, в которой я работал, я отправился в командировку в пески. Когда я был дома у директора школы, он с удивлением спросил, услышав мою фамилию: «Ты сын такого-то?» «Да». «У меня есть переведенные им книги. Сказали, что их надо сжечь. Но я не стал сжигать их, а спрятал. Он отдал мне написанные на латинице переведенные отцом книги «Как закалялась сталь» и «Тисса горит».
И еще один случай вспоминается мне. Перед самым арестом мы с отцом отправились на Русский базар. Какой-то зеленщик, знакомый отца, возможно, односельчанин, с большим почтением дал отцу зелень. Когда отец хотел рассчитаться, он сказал: «Не надо, я к тебе очень хорошо отношусь». Как ни отказывался он, отец все же отдал деньги.
Я с детским любопытством спросил у отца, когда мы шли обратно, почему он отдал ему деньги. Он же стал объяснять мне, совсем как взрослому: «Сынок запомни раз и навсегда, никогда не бери ничего бесплатно. Если возьмешь хоть немного, потом всегда будешь обязанным этому человеку. Вот, например, эта зелень стоит копейки, а он потом тебя о таком попросит, что ты вовек не расплатишься. Поэтому никогда ничего и ни у кого не бери бесплатно». И я всегда помню его слова, своим детям тоже внушаю это.
Отец мой был очень чистый и честным человеком…
В тридцать седьмом жертвами доносов стали, помимо Шамситдина Керими, и многие его родственники, Самат ишан, Нуры ишан, Сейитджемал ишан… Никто, кроме Нуры ишана, не вернулся. И он вернулся, отсидев в тюрьме десять лет. Потом его снова просили

стать ишаном, но он так и не согласился. Бедняга был запуган до смерти. Однажды в Мары настояли, сказали, что всю равно его сделают ишаном. Видя, что от него не отстанут, он сказал, что сейчас вернется, ушел и принес из лавки бутылку водки. По его просьбе ему дали пиалу. «Это маленькая, дайте большую». Достает из кармана бутылку, наполняет большую пиалу и выпивает. Он это нарочно сделал, потому что это было время, когда верующих преследовали, а пьющего ишаном не сделают.

«Я тогда чуть не умер», – вспоминал бедняга в последствии. Хотя, что касается религии, он был очень образованным человеком, учился в Бухаре в духовной семинарии, вырос до ахуна. Прекрасно знал русский, турецкий, арабский языки. Коран переводил прямо с листа.

Братья, лишенные отцовского воспитания, материнской ласки, прошли суровую школу жизни. Слишком рано им пришлось думать о куске хлеба.

Труднее всего было носить на себе клеймо «детей врага народа». Холодные взгляды недобрых людей проникали в самое сердце, раня его. Но в большинстве своем люди оказались добрыми, жалели сирот, утешали их: «Потерпите, все пройдет, человек все должен уметь вынести».

Но были и такие, кто всячески ставил им подножки. – кажется это было конец сороковых годов. Бегенча не пустили на учебу в аспирантуру из-за того, что был «сыном врага народа». В то время Ата Бадаев (старший брат Мамеда Бадаева) работал ответственным секретарем в газете «Мыдам тайяр». Бегенч с помощью Ата устроился в эту газету и стал работать там переводчиком.

В последствии Бегенч Керими внес заметный вклад в развитие туркменской журналистике. Долгие годы он возглавлял газеты «Туркменистан». Многим журналистам он дал путевку в жизнь. Сейчас он заслуженном отдыхе.

Гуванч Керими стал доктором искусствоведения. Профессор Г. Керими ушел из жизни в самом расцвете своих творческих сил. Неоценим его вклад в изучение истории туркменского театра. Туркменскую печать невозможно представить без старейшего фотожурналиста Тойли Керими. Снимки, сделанные им за долгие

годы работы, стали фотолетописью нашего народа.
Да, судьба к Шамсутдину Керими отнеслись жестоко. Ему было всего сорок четыре, когда он попал под жернова репрессий тридцать седьмого. Но он успел внести свой вклад в развитие туркменской культуры. Очень рано он начал собирать туркменский фольклор. Оказывал большую помощь известному русскому, музыковеду Успенскому в изучении туркменской музыки. Вместе с ним он ездил по аулам, был ему переводчиком. Одним из первых Шамсутдин Керими был удостоен ученого звания доцента. Этот человек достоин того, чтобы о нем вспоминали, увековечили его имя.
— Я тогда работал в «Мугаллымлар газети». По улице Карла Маркса идут писатели Аман Кекилов и Байрам Вельмурадов. Аман-ага очень уважительно поздоровался со мной, спрашивал о здоровье, о доме, совсем как у своего родственника. «Пошли с нами, — сказал, он и повел меня дом Байрам-ага. Там Аман-ага говорил, очень много хороших слов, вспоминая моего отца. Помню, как я разволновался тогда. Он сказал: «Мы все стремились быть похожими на твоего отца. Он был очень образованным человеком. Причем так аккуратно одевался всегда, что просто загляденье. Мы тогда были молодыми и старались подражать ему. Трудолюбивым человеком он был. Для туркмен немало сделал». Я и по сей день помню эти слова, сказанные о моем отце, ношу их в самом сердце…
В конце прошлого года родственники и близкие отметили 100-летие со дня рождения первого туркменского драматурга Шамсутдина Керими. Помянули его.

А.Чуриев.

«Туркменская искра» 30.05.1991 год. Teatr we kino sungaty